

Черемуха

Черемуха душистая

С весною расцвела

И ветки золотистые,

Что кудри, завила.

Кругом роса медвяная

Сползает по коре,

Под нею зелень пряная

Сияет в серебре.

А рядом, у проталинки,

В траве, между корней,

Бежит, струится маленький

Серебряный ручей.

Черемуха душистая

Развесившись, стоит,

А зелень золотистая

На солнышке горит.

Ручей волной гремучею

Все ветки обдает

И вкрадчиво под кручею

Ей песенки поет.

С добрым утром!

Задремали звезды золотые,

Задрожало зеркало затона,

Брезжит свет на заводи речные

И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,

Растрепали шелковые косы.

Шелестят зеленые сережки,

И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива

Обрядилась ярким перламутром

И, качаясь, шепчет шаловливо: «С добрым утром!»

Нивы скаты, рощи голы

Нивы скаты, рощи голы,

От воды туман и сырость.

Колесом за сини горы

Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.

Ей сегодня примечталось,

Что совсем-совсем немного

Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чащѣ звонкой

Увидал вчера в тумане:

Рыжий месяц жеребенком

Запрягался в наши сани.

Сергей Есенин. 25 стихотворений

1910

ххх

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.
От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.
Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.
И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертввой колотушкой.

(1910)

xxx

Там, где капустные грядки

Красной водой поливает восход, Клененочек маленький матке

Зеленое вымя сосет.

(1910)

ххх

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плынут в страну далекую
Седые облака.
А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.
Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А выюга с ревом бешеным
Стучит по ставням священным
И злится все сильней.
И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

(1910)

ПОДРАЖАНЬЕ ПЕСНЕ

Ты поила коня из горстей в поводу, Отражаясь, березы ломались в пруду.
Я смотрел из окошка на синий платок, Кудри черные змейно трепал ветерок.
Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.
Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня, Унеслася ты вскачь, удилами звеня.
В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.
И под плач панихид, под кадильный канон, Все мне чудился тихий раскованный звон.

(1910)

ххх

Выткался на озере алый свет зари.

На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, склоняясь в дупло.

Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет, Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты, Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари, Есть тоска веселая в алостях зари.

(1910)

ххх

Дымом половодье

Зализalo ил.

Желтые поводья

Месяц уронил.

Еду на баркасе,

Тычусь в берега.

Церквами у прясел

Рыжие стога.

Заунывным карком

В тишину болот

Черная глухарка

К всенощной зовет.

Роща синим мраком

Кроет голытьбу...

Помолюсь украдкой

За твою судьбу.

(1910)

ххх

Сыплет черемуха снегом,

Зелень в цвету и росе.

В поле, склоняясь к побегам,

Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,

Пахнет смолистой сосной.

Ой вы, луга и дубравы,

Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,

Светятся в душу мою.

Думаю я о невесте,

Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,

Пойте вы, птахи, в лесу.

По полю зыбистым бегом

Пеной я цвет разнесу.

(1910)

КАЛИКИ

Проходили калики деревнями,

Выпивали под окнами квасу,

У церквей пред затворами древними

Поклонялись пречистому Спасу.

Пробиралися странники по полю, Пели стих о сладчайшем Иисусе.

Мимо клячи с поклажею топали, Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,

Говорили страдальные речи:

«Все единому служим мы господу, Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо

Для коров сбереженные крохи.

И кричали пастушки насмешливо: «Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

(1910)

1911

ххх

Под венком лесной ромашки

Я строгал, чинил челны,

Уронил кольцо милашки

В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,

Как коварная свекровь.

Унесла колечко щука,

С ним — милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,

Я пошел с тоски на луг,

Мне вдогон смеялась речка:

«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:

Там смеются надо мной,

Повенчаюсь в непогоду

С перезвонною волной.

(1911)

ххх

Темна ноченька, не спится.

Выйду к речке на лужок.

Распоясала зарница

В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка

В лунных перьях серебра.

Выходи, мое сердечко,

Слушать песни гусят.

Залюбуюсь, загляжу ли

На девичью красоту,

А пойду плясать под гусли,

Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый, На шелковы купыри,

Уведу тебя под склоны

Вплоть до маковой зари.

(1911)

ххх

Хороша была Танюша, крашё не было в селе, Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.

У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.

Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой: «Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».

Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.

Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу, Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».

Не заутренние звоны, а венчальный переклик, Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня, На виске у Тани рана от лихого кистеня.

Алым венчиком кровинки запеклися на челе, Хороша была Танюша, крашё не было в селе.

(1911)

1912

ххх

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.

Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нет бирюза.

Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор, Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.

Пусть послушает красавица прибаски жениха.

(1912)

ххх

Матушка в Купальнице по лесу ходила, Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбины ноги ей кололи, Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорога схватила, Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.

Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи, Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье на готове, Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю

Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

(1912)

Задымился вечер, дремлет кот на брусе, Кто-то помолился: «Господи Иисусе».

Полыхают зори, курятся туманы, Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повети.

Где-то мышь скребется в затворенной клети...

У лесной поляны — в свяслах копны хлеба, Ели, словно копья, уперлися в небо.

Закадили дымом под росою рощи...

В сердце почивают тишина и моски.

(1912)

1913

БЕРЕЗА

Белая береза

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром.

На пушистых ветках

Снежною каймой

Распустились кисти

Белой бахромой.

И стоит береза

В сонной тишине,

И горят снежинки

В золотом огне.

А заря, лениво

Обходя кругом,

Обсыпает ветки

Новым серебром.

(1913)

1914 *

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышины звоны.

Под копытом на снегу,

Только серые вороны

Расщумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,

Дремлет лес под сказку сна,

Словно белою косынкой

Подвязалася сосна.

Понагнулась, как старушка,

Оперлася на клюку,

А над самою макушкой

Долбит дятел на суху.

Скачет конь, простору много,

Валил снег и стелет шаль.

Бесконечная дорога

Убегает лентой вдаль.

(1914)

ххх

Колокол дремавший

Разбудил поля,

Улыбнулась солнцу

Сонная земля.

Понеслись удары

К синим небесам,

Звонко раздается

Голос по лесам.

Скрылась за рекою

Белая луна,

Звонко побежала

Резвая волна.

Тихая долина

Отгоняет сон,

Где-то за дорогой

Замирает звон.

(1914)

КУЗНЕЦ

Душно в кузнице угрюмой,

И тяжел несносный жар,

И от визга и от шума

В голове стоит угар.

К наковальне наклоняясь,

Машут руки кузнеца,

Сетью красной рассыпаясь,

Вьются искры у лица.

Взор отважный и суровый

Блещет радугой огней,

Словно взмах орла, готовый

Унестись за даль морей...

Куй, кузнец, рази ударом,

Пусть с лица струится пот.

Зажигай сердца пожаром,

Прочь от горя и невзгод!

Закали свои порывы,

Преврати порывы в сталь

И лети мечтой игривой

Ты в заоблачную даль.

Там в дали, за черной тучей,

За порогом хмурых дней,

Реет солнца блеск могучий

Над равнинами полей.

Тонут пастбища и нивы

В голубом сиянье дня,

И над пашнею счастливо,

Созревают зеленя.

Взвейся к солнцу с новой силой, Загорись в его лучах.

Прочь от робости постылой,

Сбрось скорей постыдный страх.

(1914)

xxx

Зашумели над затоном тростники.

Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.

Расплела волна венок из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной, Запугал ее приметами лесной.

На березке пообъедена кора,

Выживают мыши девушку с двора.

Быются кони, грозно машут головой, Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рощи ели льют, Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна, Ткет ей саван нежнопленная волна.

(1914)

xxx

Троицыно утро, утренний канон, В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна, В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.

Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чащे птахи, я вам подпою, Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон.

В роще по березкам белый перезвон.

(1914)

ххх

Край любимый! Сердцу сняться

Скидры солнца в водах лонных.

Я хотел бы затеряться

В зеленях твоих стозвонных.

По меже, на переметке,

Резеда и риза кашки.

И вызванивают в четки

Ивы — кроткие монашки.

Курит облаком болото,

Гарь в небесном коромысле.

С тихой тайной для кого-то

Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,

Рад и счастлив душу вынуть.

Я пришел на эту землю,

Чтоб скорей ее покинуть.

(1914)

ххх

Пойду в скуфье смиренным иноком

Иль белобрысым бояком

Туда, где льется по равнинам

Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,

Доверясь призрачной звезде,

И в счастье ближнего поверить

В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной

Сшибает яблоки зари.

Сгребая сено на покосах,

Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел, Я говорю с самим собой:

Счастлив, кто жизнь свою украсил

Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой, Живя без друга и врага,

Пройдет проселочной дорогой,

Молясь на копны и стога.

(1914)

ххх

Шел господь пытать людей в любови.

Выходил он нищим на кулижку.

Старый дед на пне сухом, в дуброве, Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,

На тропинке, с клюшкою железной, И подумал: «Вишь, какой убогой, Знать, от голода качается, болезный».

Подошел господь, скрывая скорбь и муку: Видно, мол, сердца их не разбудишь...

И сказал старик, протягивая руку: «На, пожуй... маленько крепче будешь».

(1914)

ОСЕНЬ

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.

Осень — рыжая кобыла — чешет гриву!

Над речным покровом берегов

Слышен синий лязг ее подков.

Схимник ветер шагом осторожным

Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту

Язвы красные незримому Христу.

(1914?)

ххх

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.
Я вижу — в просиничном плате, На легко крыльых облаках,
Идет возлюбленная мати
С пречистым сыном на руках.
Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова, Зорюй и полдной у куста».
И в каждом страннике убогом
Я вызнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли богом
Стучит берестяной клюкой.
И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима, А под пеньком голодный Спас.

(1914)

В ХАТЕ

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.
Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою
Шелуха сырых яиц.
Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко?,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.
Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.
А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,

Из углов щенки кудлатые

Заползают в хомуты.

(1914)

ххх

По селу тропинкой кривенькой

В летний вечер голубой

Рекрута ходили с ливенькой

Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые

Да последние деньки:

«Ты прощай, село родимое,

Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.

Все кричали, пяча грудь:

«До рекрутства горе маяли,

А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,

В пляс пускались весело.

Девки брякали им бусами,

Зазывали за село.

Выходили парни бравые

За гуменные плетни,

А девчоночки лукавые

Убегали, — догони!

Над зелеными пригорками

Развевались платки.

По полям, бредя с кошельками,

Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками, Под пугливый возглас сов,

Им смеялась роща зыками

С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой, Ободравшись о пеньки,

Рекрута играли в ливенку

Про осто?льные деньки.

(1914)

ххх

Гой, ты, Русь, моя родная,

Хаты — в ризах образа...

Не видать конца и края

Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,

Я смотрю твои поля.

А у низеньких окопиц

Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблуком и медом

По церквам твой кроткий Спас.

И гудит за корогодом

На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке

На приволь зеленых лех,

Мне навстречу, как сережки,

Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:

«Кинь ты Русь, Живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою».

(1914)

ххх

Я пастух, мои палаты
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.
Вяжут кружево над лесом
В желтой пene облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.
Светят зелено в сутемы
Под росою тополя.
Я — пастух; мои хоромы
В мягкой зелени поля.
Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.
Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья,
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

(1914)

ххх

Сторона ль моя, сторонка,

Горевая полоса.

Только лес, да посолонка,

Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,

В облака закинув крест.

И заболычная кукушка

Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,

В половодье каждый год

С подожочка и котомки

Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,

Веки выглодала даль,

И впилась в худое тело

Спаса кроткого печаль.

(1914)

ххх

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.
Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтырь читает.
Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов — как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.
Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

(1914)

ххх

Чую радуницу божью
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный пух от бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зрења, В сердце радость детских снов, Я поверил от рождења
В богородицын покров.

(1914)

ххх

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.
Торчут лапти по полю кукольни, Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.
Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.
На вратах монастырские знаки: «Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки, Словно чуя воров на гумне.
Лизут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.

(1914)